

Стефансон Вильялмур

Гостеприимная Арктика

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В46

В46 **Вильямур С.**
Гостеприимная Арктика / Стефансон Вильямур – М.: Книга по Требованию, 2024. –
573 с.

ISBN 978-5-519-75474-3

ISBN 978-5-519-75474-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вильялмур Стефанссон несомненно принадлежит к числу наиболее выдающихся полярных исследователей современности. По применявшемуся им методу его следует считать прямым последователем Пири. Все свои экспедиции Стефанссон всегда базировал на собачьей упряжке. Стефанссон принадлежит к старой школе полярных исследователей, и возможно, что он — «последний представитель этой школы», — справедливо замечает Роберт Пири. Механизированный транспорт в Арктике получил в последнее время всеобщее признание, и уже близко то время, когда исследовательская и хозяйственная работа в Арктике не будет мыслиться без применения современных видов механизированного транспорта — самолетов, дирижаблей, вездеходов, аэросаней. Наиболее ярким доказательством справедливости этого положения является та громадная работа по освоению полярных стран, которая в настоящее время ведется в Советском секторе Арктики.

Но если Стефанссон является представителем старой школы, значит ли это, что его работа в качестве полярного исследователя представляет для нас, интенсивно внедряющих в Арктику новые методы, только исторический интерес? Отнюдь нет, и по следующим причинам. Во-первых, какого бы высокого развития ни достиг в Арктике механизированный транспорт, собачья упряжка никогда не теряет своего значения; и недаром Главное управление Северного морского пути, осуществляющее у нас всю хозяйственную и исследовательскую работу в Арктике, не только широко развивает арктическую авиацию и внедряет в практику полярной работы вездеходы, но вместе с тем изучает собаководство и организует на севере Сибири собачьи питомники. Во-вторых, Стефанссон и его многолетние полярные

экспедиции заслуживают нашего самого пристального внимания потому, что Стефанссон сочетал нансеновскую собачью упряжку с новым принципом полярной работы — «жить в Арктике за счет местных ресурсов». Страшной пустынной Арктики, по Стефанссону, не существует, природа ее не враждебна человеку или, как говорит Стефанссон, «враждебна только такой жизни, какую живут на юге, но гостеприимна к человеку и животному, желающим применить к условиям севера». «Гостеприимная Арктика» — этот брошенный Стефанссоном лозунг до некоторой степени родственен той деромантизации «зловещей» Арктики, которую советские полярники вели с самого начала их работы в полярных странах. Действительно, многие описания, составленные старыми полярными путешественниками, главным образом донансеновского периода, создают у никогда не бывавшего на Крайнем севере впечатление, что Арктика — гроб природы, «страна отчаяния», где человек обречен на ужасные страдания и мучения, которые может превозмочь только необыкновенная героическая личность. Сколько пошлых полярных романов написано на эту тему! Нам, советским работникам Арктики, особенно понятно возмущение Стефанссона, которое заставляет его начать борьбу против этого невежественного романтизма. «Арктика гостеприимна», — говорит Стефанссон, основываясь на своем богатейшем опыте (он провел в Арктике 10 зим и 13 летних сезонов). «Арктика богата, и ее богатства надо бросить на нужды социалистического строительства», — утверждаем мы. «Арктика не должна оставаться пасынком социализма», — заявил О. Ю. Шмидт, вернувшийся из своего первого полярного похода.

Вильямур Стефанссон, исландец по происхождению, родился в 1879 году в Манитобе (Канада). В 1904 и 1905 гг. он ездил с археологическими целями в Исландию, первое же его знакомство с Арктикой состоялось в 1906—1907 гг., когда он в качестве этнографа принимал участие в экспедиции, работавшей на северном побережье Аляски и в устье реки Мекензи. В 1908—1912 гг. он стоял во главе экспедиции в арктическую Ка-

наду, во время которой, будучи по специальности антропологом, занимался этнографическими исследованиями и в совершенстве изучил быт эскимосов. Во время этой экспедиции Стефанссон и пришел к убеждению, что наиболее правильным методом путешествий в полярных странах является метод «существования за счет местных ресурсов». При этом он полагал, что про существовать охотой можно не только в районах, населенных эскимосами, но и «на всем пространстве Арктики», в том числе на дрейфующих льдах центральной части Полярного бассейна. Чтобы доказать правильность этого положения и «раскрыть тайну гостеприимства Арктики», Стефанссон организовал в 1913 году новую экспедицию, средства на которую отпустило канадское правительство. Эта экспедиция, известная под названием «Канадской арктической экспедиции», продолжалась 5½ лет, и описанию ее и посвящена настоящая книга. Она во многом отличается от описаний других полярных путешествий. Изложенная чрезвычайно простым и бесхитростным языком, при полном отсутствии напыщенных описаний природы (чем грешат многие полярные авторы), она читается с громадным интересом, заражая читателя тем энтузиазмом, которым горел Стефанссон, когда он в течение 5½ лет на практике пытался доказать правильность своей теории «гостеприимной Арктики». В этой книге, местами искрящейся острым юмором, для советского читателя особенно приятно отсутствие всякой деланной героики и звуков фанфар. Она насквозь проникнута большой любовью к Арктике и глубоким знанием ее природы, что — несмотря на крайне скромную форму изложения — местами позволяет воспринимать ее почти как художественное произведение.

Чрезвычайно ценны, как с научной, так и с практической точки зрения, рассеянные по всей книге Стефанссона наблюдения над животной жизнью Арктики. Исключительное знание автором условий жизни в Арктике придает многим местам книги ценность инструкции для полярных работников. Практическими указаниями испещрена буквально вся книга. Стефанссон по-

дробно, доходя до самых мелочей, рассказывает, как надо строить иглу (снежные дома), как уберечься от снежной слепоты, варить пищу, охотиться за тюленями, мускусными быками и оленями, сохранять сухой свою одежду и многое другое. Если отбросить из книги изложение хода самой экспедиции, то останется нечто вроде руководства для полярных робинзонов, руководство, чрезвычайно полезное и для таких работников Арктики, которые отнюдь не готовятся к амплуа робинзона.

Для советских полярников, перед которыми партия и правительство поставили во всей ее широте проблему освоения Арктики, эта сторона книги Стефанссона представляет особенный интерес. Однако, нельзя не указать, что, увлеченный идеей «гостеприимной Арктики», Стефанссон нередко хватает через край. Так, например, желая доказать, что и в Арктике летом бывает жарко, автор в качестве примера берет район Большого Медвежьего озера и центральную Аляску, где температура воздуха каждое лето достигает 30° и больше. Но указанные районы, по своим климатическим особенностям, скорее принадлежат к «приполярью» (подобно нашему Кольскому полуострову) и весьма мало похожи на «высокую» Арктику. Арктика же в целом характеризуется так называемым «морским полярным климатом» с весьма низкой температурой лета, тогда как северной части американского материка (равно как и Сибири) свойствен континентальный климат. Недаром большинство географов, при определении границы Арктики, берет за критерий среднюю температуру воздуха в июле месяце. Говоря о растительности Арктики и насекомых, Стефанссон опять-таки выбирает районы, особо благоприятные в отношении летней температуры, т. е. районы, составляющие лишь незначительную часть Арктики. По Стефанссону выходит, что комары, «летающие целыми тучами», характерны для Арктики. Но любой из наших полярников, пробывший год на каком-либо из островов Советской Арктики, прекрасно знает, что от гнуса, этого бича приполярья, там вовсе не приходится страдать.

Стефанссон несомненно преувеличивает, когда описывает жизнь эскимосов в арктическом Эльдорадо, как верх благополучия. «Эскимос обычно имеет достаточно здоровой пищи, и для своего прокормления ему приходится затрачивать меньше труда, чем населению наших стран», — утверждает Стефанссон. Те, кто знаком с практикующимися эскимосами способом зимней ловли тюленей в лунках, знают, с каким невероятным трудом достигается эта добыча. Кнуд Расмуссен, один из лучших знатоков эскимосов, в ком самом текла эскимосская кровь, показал, что жизнь эскимоса представляет собой непрерывную ожесточенную борьбу за существование, весьма далекую от идиллии, которую хочет нарисовать Стефанссон. «Эскимосы никогда не умирают с голоду», — говорит Стефанссон (стр. 94). Между тем на самом деле случаи голодной смерти среди эскимосов далеко не редки, на почве голода встречаются даже случаи людоедства. Стефанссон выставляет такую доктрину, которой он следовал в течение своей пятилетней арктической экспедиции: «ешь досыта сегодня и не заботься о завтрашнем дне, гостеприимная Арктика о нем позаботится!». Эскимосы в основном тоже придерживаются этой доктрины, но — увы — гостеприимная Арктика далеко не всегда оказывается заботливой матерью.

Таким образом, если Стефанссону принадлежит большая заслуга в борьбе против ложного представления об Арктике, как о безжизненной пустыне, то, с другой стороны, нельзя не констатировать, что, реабилитируя Арктику, канадский исследователь несколько перегнул палку.

Свою теорию возможности просуществовать в Арктике (вернее, в определенных ее районах) Стефанссон доказал в значительной мере своей экспедицией. Все же в его экспедиции был случай голодной смерти двух участников. Так как это обстоятельство угрожало сильно скомпрометировать теорию существования за счет местных ресурсов, то канадский исследователь, чтобы выйти из щекотливого положения, заявил, что Томсен (один из погибших, труп которого удалось

разыскать) умер не от голода, так как «лицо его не было исхудавшим».

Однако, если даже принять, что Стефанссону удалось доказать правильность теории существования за счет местных ресурсов, то необходимо со всей ясностью подчеркнуть, что, во-первых, эта теория справедлива лишь для района, посещенного Стефанссоном, и не может быть распространена на всю Арктику, и что, во-вторых, она действительна только для весьма ограниченного числа людей. В самом деле, сам Стефанссон пишет, что, заготавливая на Земле Бэнкса мясо на зиму, пришлось убить около 75% всех оленей, виденных на этом сравнительно большом арктическом острове. Большая партия людей едва ли нашла бы себе здесь достаточно пропитания, о заселении же Арктики по стефанссоновскому принципу говорить, конечно, не приходится. Впрочем, тот факт, что на арктических землях и островах небольшая партия людей может просуществовать за счет съестных припасов, добываемых на месте, не является новым. Метод Стефанссона в свое время уже применялся Джоном Рэ в арктической Канаде (1898) и Фритьофом Нансеном на Земле Франца-Иосифа (1895—96).

Считая возможным применить свой метод и в центральной части Полярного бассейна, Стефанссон исходит из того, что «количество животной жизни, приходящейся на единицу объема океанской воды, является наименьшим в тропиках и постепенно увеличивается по мере приближения к обоим полюсам». Мы знаем, однако, что количество планктона достигает своего максимума в окраинной зоне Полярного бассейна, далее же к северу оно резко уменьшается. Именно на основании крайней бедности планктона в высоких широтах Ледовитого моря, Фритьоф Нансен, первый посетивший и изучивший воды центральной части Полярного бассейна, отрицал возможность существования за счет местных ресурсов на льдах центральной Арктики; на этом великий норвежский исследователь, в беседах с пишущим эти строки, настаивал весьма категорично. Утверждение Стефанссона, что «Нансен не обнаружил

(в Полярном бассейне) обилия живой жизни не столько вследствие действительного ее отсутствия, сколько потому, что она ускользнула от его наблюдения», едва ли выдерживает критику. Ту же отрицательную точку зрения в отношении применимости стефанссоновского метода на льдах центральной части Полярного бассейна поддерживает и другой большой знаток арктических морей — Харальд Свердруп. В своей книге, посвященной экспедиции на «Мод», Свердруп пишет: «Судя по нашему опыту, Стефанссон не прав в своих заключениях. Экспедиция, которая пожелала бы отправиться на север от Сибири, надеясь одной охотой добывать там пропитание, пошла бы навстречу верной гибели».

Если приходится отнестись отрицательно к утверждению Стефанссона о возможности существовать за счет местных ресурсов и в центральной части Полярного бассейна, то это ни в коей мере не должно умалять большого значения того опыта, который был проделан Стефанссоном, а позже Стуркерсоном, на льдах моря Бофора. К сожалению, о походе Стуркерсона известно очень мало и в настоящей книге ему посвящена только одна страница. Мы не знаем почти ничего, кроме самого факта, что Стуркерсон пробыл на дрейфующих льдах моря Бофора 238 дней (с 15 марта по 8 ноября 1918 г.), добывая себе пропитание охотой, и что он продрейфовал на ледяном поле 400 миль, после чего совершил 300-мильный переход по движущимся льдам к берегам Аляски. Опыт Стефанссона и, в особенности, Стуркерсона подтверждает, что организация станции на дрейфующих льдах Полярного бассейна — а над таким проектом в настоящее время работает советская научно-техническая мысль — является несомненно предприятием осуществимым; однако, основывать его на принципе существования за счет местных ресурсов, конечно, нельзя.

Мы сочли необходимым обратить внимание советского читателя на ряд преувеличений, допущенных Стефанссоном в его пропаганде «гостеприимной Арктики». Но, с другой стороны, мы подчеркиваем, что так отчетливо выдвинутая Стефанссоном проблема

местных ресурсов Арктики имеет громадное значение, в особенности в вопросе освоения Советской Арктики. Стефанссон пишет: «Те, кто сейчас молод, еще доживут до того времени, когда будет осознана экономическая ценность даже самых отдаленных арктических островов». Для советской части Арктики Стефанссон оказался пророком. Но едва ли канадский исследователь предполагал, что его пророчество сбудется так скоро, ибо он вряд ли представлял себе, что может сделать пролетарская революция.

В заключение мы считаем необходимым отметить, что фотографии, помещенные в этой книге, присланы Вильямуром Стефанссоном специально для советского издания. Большинство из них принадлежит Геологической службе Канады и сделано участниками экспедиции Стефанссона. Некоторые из помещенных фотографий принадлежат другим организациям (что оговорено в надписях под фотографиями), получены они также при посредстве В. Стефанссона.

В. Ю. ВИЗЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Читая книги других полярных исследователей, я часто находил скучными длинные описания организации и снаряжения их экспедиций. В настоящую книгу я предпочел бы совершенно не включать подобной информации; однако, по мнению многих моих друзей, она является важной и интересной, а потому я иду на компромисс и привожу здесь эти сведения, но лишь вкратце, в самых общих чертах.

Идея моей третьей полярной экспедиции, являющейся темой настоящей книги, возникла у меня постепенно, во время второй экспедиции (1908—1912 гг.). Наш тогдашний повседневный опыт доказывал, что населенные или посещаемые эскимосами районы Арктики изобилуют животной жизнью и вполне пригодны для существования. Но в прочитанных мною географических трудах и описаниях полярных путешествий сообщалось, что находящиеся за пределами «эскимосской зоны» обширные неисследованные области представляют собою совершенно безжизненную пустыню. То же я слышал и от самих эскимосов: они утверждали, что в этих областях можно жить лишь за счет взятого с собою продовольствия и лишь до тех пор, пока оно не будет израсходовано, так что путешествие должно иметь характер кратковременного рейса, заканчивающегося поспешным отступлением.

Однако, отсутствие животной жизни в центральных областях Арктики не казалось мне логически неизбежным фактом. Мнению эскимосов по этому вопросу я не придавал особенного значения. По специальности я — антрополог. Желая собрать как можно больше сведений об эскимосах, я непрерывно прожил среди них около шести лет и хорошо изучил их психологию, причем убедился, что они — честные и смелые люди,

но, как и у малокультурных слоев населения всякой другой страны, их природный интеллект остается праздным, поскольку у них нет возможности развить и обогатить его образованием. Поэтому неудивительно, что многие их мнения совершенно необоснованы.

То обстоятельство, что и в учебниках географии и в энциклопедических словарях говорится о безжизненности центральной Арктики, мне тоже казалось неубедительным. Как научный работник, я знал, что и в учебных трудах встречаются необоснованные утверждения и что энциклопедиями сплошь и рядом увековечиваются предвзятые мнения наших предков. Пока я сам жил у эскимосов, я старался как можно лучше изучить зону, расположенную к северу от их поселков, и убедился, что она не отличается никакими существенными особенностями от «эскимосской зоны». Поэтому мне представлялось весьма вероятным, что животная жизнь может быть найдена даже в самом центре полярных льдов, т. е. в пункте, отстоящем, примерно, на 400 миль от географического северного полюса и находящемся в неисследованной области к северу от Аляски. К этому пункту, так называемому «полюсу наибольшей недоступности» (см. главу II настоящей книги, стр. 29, и карту в конце книги) ближе всех подошел Пири в ту экспедицию, когда он достиг северного полюса. По словам Пири, он не обнаружил животной жизни как на северном полюсе, так и на пути между ним и Гренландией; из этого другие заключили, что тем более не может быть животной жизни на покрытых льдами пространствах вокруг «полюса недоступности», так как они еще дальше отстоят от открытого моря.

Я полагал, что животной жизни не обнаружили потому, что ее не искали, и потому, что она существовала подо льдом, где и оставалась незаметной. Охота на тюленей, скрывающихся под толстыми полярными льдами, не столько похожа на охоту в обычном смысле, сколько на разведки нефти. Люди подолгу жили в Пенсильвании, успешно возделывали там почву и думали, что превосходно знают все местные условия, но не знали о нефти, находившейся в недрах. В этом неве-